

ZPRÁVY - KRONIKA

Людмила Петрушевская как яркий представитель современной прозы и драматургии

Антонина Григораш (Киев)

Вспоминая своего учителя – известного драматурга Алексея Арбузова, Л. Петрушевская отмечает: «Мы – это третье поколение учеников Арбузова».

Первое – это драматурги Авенир Зак, Исая Кузнецов, Михаил Львовский, артист Зиновий Гердт и другие, авторы спектакля *Город на заре*.

Второе – драматурги Михаил Шатров и Игнатий Дворецкий.

Третье – драматурги Вениамин Балясный, Аркадий Инин, Владимир Карасев, Алексей Казанцев, Лев Корсунский, Ольга Кучкина, Людмила Петрушевская, Александр Ремез, Анна Родионова, Александр Розанов, Марк Розовский, Виктор Славкин, Аркадий Ставицкий».

Следует добавить, что все вышеперечисленные имена третьего поколения арбузовской студии – это не только драматургия, но и проза и – особенно в последнее время – публицистика, в том числе и газетная (например, Ольга Кучкина является обозревателем газеты *Комсомольская правда*).

Л. Аннинский, выступая в дискуссии *Драматургия 80-х: проблемы и поиски*, развернувшейся на страницах *Литературной газеты*, предлагает следующую классификацию основных направлений драматургии 80-х годов:

1. Драматургия метафор, исторические и философские парафразисы от А. Зорина до Ю. Эдлisa и Э. Радзинского.

2. Драматургия деловых людей, познающая человека на производственных площадках и в управленческих коридорах. Не надо думать, что это та самая «производственная тема», которая набилa оскомину в 40-е и 50-е годы, – нет, это драматургия современная, новая, «драматургия дискуссий». Достаточно назвать И. Дворецкого, А. Гельмана, В. Мишарина, чтобы в этом убедиться.

3. Драматургия близкой исторической памяти, питающаяся современной «военной прозой»: это *Эшелон* М. Рошина, *Сашка* А. Кондратьева, *Часы без стрелок* В. Рахманина, *Виктория* А. Червинского. И это опять-таки свой ракурс, свой, совершенно особый, подход к реальности.

4. Драматургия столичной и провинциальной жизни. В этом, последнем пункте классификации, Л. Анненский дает характеристику драматургии Людмилы Петрушевской, тем самым обозначая и наиболее характерные черты ее прозы: «Возьмем горожан. Столичных, так сказать. Быстрых, разговорчивых, вовсе не 'цельных'». Разорванных бытом. Устало бродящих на развалинах вчерашнего романтизма. Здесь, среди старых декораций Арбузова и Розова, звучит какая-то новая, «сырая», «засоренная», как сказал бы критик Смелянский – «магнитофонная» речь. С помехами и несообразностями, с бытовым фоном, оскорбительно влезаящим в действие. Господствующий лейтмотив: бытовая гонка на месте испарившегося «Эльдорадо». Вчерашние мечтатели неожиданно для себя стервенеют. Лучше всего этот новый, «коммунальный» быт и психологию этого нового городского слоя пишет Петрушевская.

В самом деле, где это происходит, с кем? Мать, жестоко избивающая маленького сына с единственной целью – вызвать к нему острое сочувствие окружающих. Она одна знает, что скоро им предстоит ответить за мальчика, потому что сама она смертельно больна (*Свой круг*). После ссоры жена уходит от мужа, он лежит несколько дней больной гриппом, а потом, когда жена приходит забирать свои вещи и даже не смотрит на него, бросается с седьмого этажа (*Грипп*). Женщина по прозвищу Али-Баба, как говорится, сложной судьбы (пьяница и воровка) знакомится в пивной с приятным молодым человеком, идет к нему домой, остается ночевать. Затем она пытается отравиться, ее спасают... (*Али-Баба*).

В конце концов, нравы наркоманов, алкоголиков и проституток уже никого удивить не могут, поскольку все читают газеты. Но в прозе Л. Петрушевской (в основном это рассказы) действуют более или менее нормальные люди, многие даже с признаками интеллигентных профессий, без умственных и иных отклонений.

Постепенно, когда стараешься вживаться в их обстоятельства и судьбы, когда проникаешься их проблемами, пытаешься поставить себя на их место, начинаешь понимать: действительно нормальные люди, обычные. В обстоятельствах жестоких, но не экстраординарных, драматических, но не уникальных. Они плоть от плоти сегодняшней улицы. Они выходят из малогабаритных квартир, минуют замусоренные лестничные клетки, едут в лифтах, исписанных непечатными выражениями, выходят на улицу, падают, если гололед, мокнут, если дождь, давятся в автобусах и метро, толпаются в магазинах, утром волокут невыспавшихся детей в детские сады и школы, потом томятся на службе, вечером, обвешанные хозяйственными сумками, торопятся забрать детей с продленки...

И, конечно, они постоянно говорят. Но как! «И ведь никто не думал обвинять жену, что она осталась жива, и не нужны были никакие смягчающие обстоятельства типа наличия ребенка». Чудовищная смесь канцляризма и обыденной речи, захлебывающийся, косноязычный поток слов с бесчисленными повторами. У Л. Петрушевской обостренный слух, и она стенографически точно

словно записывает на ходу (в автобусе, метро, магазине) звуки окружающего мира. Каждый ее рассказ – это словно разговор подруги с подругой или двух сослуживиц: «Я ей все рассказывала, вот как сейчас тебе. Я такой человек, что мне легче от этого, когда я рассказываю» (*Такая девочка*).

Проза Л. Петрушевской принципиально лишена метафоричности, изыска, эlegantности, вообще какой бы то ни было красоты. Тем не менее эта проза лишь кажется магнитофонной записью уличного трепача, на самом деле автор добивается такого впечатления немалым мастерством. На скрещении современного упрощенного, даже опошленного языка и бытовых литературных традиций и выросла самобытная проза Л. Петрушевской.

В одном из интервью Л. Петрушевская произнесла знаменательную фразу: «Литература – не прокуратура». И в творчестве верна этому принципу. Осушение в принципе противоречит природе ее прозы. Ее рассказы проникнуты состраданием к людям, причем нелегким и мучительным. Поэтому ее героини полны жалости. Женщина из рассказа *Такая девочка* говорит о знакомой: «она на меня с самого начала нашего знакомства произвела какое-то жальщее впечатление, как новорожденное животное, которое не умилляет своей хорошенькостью, а прямо жалит в самое сердце».

В этом же интервью Л. Петрушевская говорила, что импульсом к работе для нее служит чья-то проблема. Кто-то мучается, не находит выхода, и ты начинаешь думать, что же ему делать, – и неожиданно пишешь. Причем не об этом человеке не о себе, а о ком-то третьем, а в итоге получается, что и о нем, и о себе. Поэтому сформулировать творческий метод Л. Петрушевской нетрудно: слияние с героями ее рассказов.

Кому же более всего страдает Л. Петрушевская? Бесспорно, женщинам. Если попытаться определить главную тему Л. Петрушевской, то это – судьба женщины в жестоком современном мире, жестоком и ожесточающем. Поэтому не милы и совсем не обаятельны женщины Л. Петрушевской. Наоборот, они злы и циничны. И вместе с тем – материнство для этих женщин – высшая ценность, мерило совести и морали: «Может быть, все, что произошло с мужем, могло произойти и с женой, не будь у них дочери, не будь ей необходимо жить во всех, любых обстоятельствах» (*Грипп*). Все – ради детей, а значит, рядом и жалость, и любовь, и сострадание. В детях – спасение от окружающей тьмы. И Л. Петрушевская страдает своим нелепым героиням, переживает их драмы, проживает их жизни.

Современная действительность постоянно обращает Л. Петрушевскую к темам драматическим, жестоким, к «черным краскам», порой сгушенным предельно. Сколько имен появилось в литературе в последние годы! В. Пьецух – грустный насмешник, печальный пророк в маске хохмача и ерника. Т. Толстая – ироничная плакальщица по нелепо уходящим в пустоту прошлым жизням. Классически строгий, интеллигентный Л. Бежин. Напечатаны произведения обоих Ерофеевых: Виктора, «вращенного» на западном менталитете, и Венедик-

та, изломанного злым идиотизмом «расейской» жизни. Формально некоторые из этих писателей принадлежат к поколению более молодому, чем поколение Л. Петрушевской. Л. Петрушевская дольше многих работает в прозе и драматургии. И все время вокруг нее ощущается некая настороженность. И отражается это прежде всего в делах издательских: публикации ее рассказов все так же единичны и случайны. Долгое время – ни одной книги прозы, только московский *Новый мир* и петербургская *Аврора* печатали ее рассказы более или менее систематически.

В последнее время литература, стремясь к ее истинному объему, заметно расширила свои рамки, включила в себя новые или забытые старые стили, направления, взгляды. Диапазон стал шире, но проза Л. Петрушевской все равно возмущает и отталкивает. В таланте писательнице никто не отказывает, но творчество ее во многом не приемлют.

Демократизация литературы состоит, очевидно, не столько в том, что широко открыты двери произведениям, известным всему читающему миру, не столько в том, что позволено публиковать правду о преступлениях сталинщины. Для литературы это лишь некоторые, пусть важные слагаемые нового, широкого сознания, включающего в себя эстетически разнородные, непохожие друг на друга и не всеми приемлемые взгляды. Ни один из них не претендует на знание истины в последней инстанции, но все вместе они дают это знание или, по крайней мере, очень близко подходят к нему. Это полностью относится к Л. Петрушевской, чьи рассказы многих шокируют откровенность жестокой правды.

Литература:

- ПЕТРУШЕВСКАЯ, Л.: Брат Алеша. Литературная газета, 09. 07. 1986, с. 8.
 АННИНСКИЙ, Л.: Посмотрим, кто пришел. Литературная газета, 26.02.1983, с.3.
 ПЕТРУШЕВСКАЯ, Л.: Свой круг. Новый мир 1988, № 1; Али-баба. Грипп. Аврора 1988, № 9; Такая девочка. Огонек 1988, № 40.